

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Черным по белому

(сборник)

Аркадий Аверченко
Черным по белому (сборник)

«Public Domain»

2010

Аверченко А. Т.

Черным по белому (сборник) / А. Т. Аверченко — «Public Domain», 2010

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – русский писатель, журналист, редактор журнала «Сатирикон», один из самых известных сатириков начала XX века. В книгу вошел авторский сборник «Черным по белому». Аверченко рисует в нем замечательную галерею образов русской жизни. Образов острых и смешных, иногда нелепых, иногда вызывающих сочувствие, но неизменно ярких, великолепно поданных талантом автора.

Содержание

Волга	5
I	5
II	6
Клусачев и Туркин	9
Роскошная жизнь	14
I	14
II	16
III	18
Функельман и сын	21
Святые души	25
I	25
II	28
Желтая простыня	30
I	30
II	31
III	32
IV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Черным по белому

Волга

I

В буфетной комнате волжского парохода за стойкой стоял здоровеннейший мужчина и бил ладонью руки по лицу качавшегося перед ним молодого парня.

У парня было преравнодушное лицо, которое, казалось, говорило: «Да скоро ты, наконец, кончишь, Господи!»

Здоровеннейший мужчина приговаривал:

– Вот тебе разбитый бокал, вот соусник, вот провансаль!

И бокал, и соусник, и провансаль – как две капли воды походили друг на друга: это были обыкновенные пощечины, и различные названия их служили просто какими-то символами.

После провансаля буфетчик наделил парня «невътертыми рюмками», «закапанной скатертью» и какой-то «коробкой бычков».

Когда парню приедалось однообразие ощущения, парень поворачивал лицо в другую сторону, и вторая, отдохнувшая, щека бодро выносила и «фальшивый целковый от монаха», и «теплое пиво», и «непослушание маменьке».

Толстый купец, пивший в углу теплое пиво, восторженно глядел на эту сцену, делая машинально те же движения, что и буфетчик, и качая лысой головой в такт каждому удару.

– Что это такое? – спросил я радостного купца.

– Это, государь мой, наше русское волжское воспитание. Чтобы, значит, помнил себя. Сынок это евонный.

– Да ведь он его как скотину бьет?!

– Зачем как скотину?.. Скотину без пояснения лупят, а он ему все так и выкладывает: «Это, говорит, за соусник, это за теплое пиво». Парень, стало быть, и знает – за что.

– И вы думаете, это помогает? – брезгливо спросил я.

– Батюшка! А то как же? Да парень после этого ноги его будет мыть да воду пить!

Я пожал плечами.

– Если первая часть этой операции и имеет гигиеническое значение, то вторая...

– Чего-с?

– Я хочу сказать, что такое обращение делает человека глупым, забитым и тупым.

– Ничего-с. Нас так тоже учивали, а посмотрите – и на слово ответим, и дело исделаем.

Старая женщина подошла к стойке, поглядела на буфетчика и заботливо сказала:

– Ну и будет. Ишь ты, упарился...

– Мать ихняя, – кивнул на нее купец. – Строгая семья, правильная.

Младший член этой семьи наконец избавился от «соусников» и «монашеских монет».

Отец ударил его в последний раз, оттолкнул и, придвинув к себе стаканы, стал их перетирать. Сын взял тарелку и, в свою очередь, принялся тереть мраморную доску буфета.

– Правильно, – сказал мне купец. – Удовольствие исделай, а работы не забывай.

II

Пароход подходил к большому городу. На палубе стоял здоровенный буфетчик, одетый по-дорожному, жена его и сын.

– Ну вот, Капитоша, вот тебе такое мое слово: шtbody от матери никакой жалобы, шtbody пассажир был без ропоту и шtbody – без бою стекла. Парень ты уже большой, многократно ученый – знаешь, как и что. Ключи тебе даны, доверие отцовское оказано – засим прощайте. Должен ты понимать свою самостоятельность.

– Поблагодари папеньку, – крикнула мать. – Эх, народ теперь. Да я бы за это отцу... ноги бы мыть да воду пить!

Эта странная формула исчерпывала, очевидно, все взаимоотношения младших к старшим. Выпитая вода являлась тем цементом, который неразрывно связывал членов семьи.

Парень Капитоша опустил мутные серые глаза, конфузливо вздохнул и повалился отцу в ноги.

– Благодарствуйте, тятя.

– Ничего, что там. Лишь бы все как следует.

Вокруг них столпились пассажиры, с интересом следившие за этой сценой. Буфетчик расцеловался с женой и поклонился пассажирам.

– Уезжаю я по делишкам, милостивые господа. Если что – не взыщите с парнишки, – молод он, робок. Не забудьте, поучите его.

Лысый купец отозвался за всех:

– Поучим.

Зевнул и отправился спать... Ставились сходни...

.....

Когда пароход отчаливал от пристани того города, где буфетчик собирался устраивать дела, мать и сын стояли у перил и махали платками отцу, пришедшему последний раз проститься с ними.

Ветер трепал белыми платками, и полоса воды между пароходом и пристанью все ширилась и ширилась. Когда пароход отошел шагов на сто, Капитоша перестал салютовать, всмотрелся в платок и показал отцу кулак. Отец что-то закричал с берега, но не было слышно.

Капитоша облокотился спиной о перила, сложил на груди руки и строго сказал, глядя на мать серыми, мутными глазами:

– Ну, мамаша... Идите спать!

– Чего ж я пойду, дурашка. Солнышко-то еще не спряталось.

– Идите спать! – бешено взвизгнул сын. – Говорят вам – идите! Кто тут хозяин? Вы или я?

– Ох, ты ж, Господи, – пролепетала струсившая мать. – Поди ты, какой крикливый. Ну-ну... Иду-иду. Ты ж тут смотри, чтобы все...

– Пошла, пошла!

Оставшись один, Капитоша плюнул на ладони и попытался пригладить взъерошенные волосы. Потом сделал попытку выгнуть впалую грудь колесом. Ни то, ни другое не удалось ему. Он вздохнул и поплелся в буфет. Я с улыбкой последовал за ним – его поведение заинтересовало меня.

Зайдя за стойку, Капитоша вынул бутылку французского шампанского, откупорил ее, открыл широко громадный желтый рот, в котором жадно извивался тонкий, сухой язык, и в две минуты перелил в себя всю бутылку.

– Однако! – сказал я, удивившись.

– Видал? – захихикал он.

– Видал.

– Здорово?

– Да уж... Ваш отец будет вами доволен.

Грудь его вогнулась еще больше и волосы сделались мягкими.

– Товарищ! – сказал он. – Господин! Долбанем еще одну, а?

– Спасибо, я днем не пью. И вам не советую. Зайдут сейчас сюда пассажиры, а вы выпивши.

Действительно, какой-то маленький чиновник зашел и, потирая руки, сказал:

– Пива.

– Нельзя! – взревел Капитоша.

– Почему?

– Буфет закрыть.

– Кто его закрыл?

– Кто? Я, Капитон Ильич, – очень приятно познакомиться. Со мной, если желаете, выпьем. Шампанского, бордосского... Милый! Если бы ты видел, сколько здесь бутылок – сам черт не пересчитает. Пузатенькие, длинные – всякие. Чесстн... слово.

Маленький чиновник потоптался на месте, облизал губы и неожиданно сказал:

– Ну что ж, выпьем.

Капитоша суетливо вытер руку о полу пиджака и протянул ее ребром, неумело:

– Капитон Ильич, главный буфетчик этого парохода. – Садитесь! Ах ты ж Господи! Вот приятное знакомство. Скажите, саратовские хористки еще не слезли?

– Нет, едут. А что? Вы их... сюда? Это ловко.

Капитоша захохотал и молодецкато побежал наверх.

– Зачем вы хотите пить с ним? – спросил я. – Нехорошо.

– Да что он, ребенок, что ли, – возразил чиновник. – Пусть себе молодой человек повеселится.

Через минуту вошел Капитоша, во главе четырех жизнерадостных смеющихся девиц.

– Садитесь, барышни. Винцо сейчас будет, апельсины. Очень приятно. Я Капитон Ильич, здешний главный заведующий буфетным отделением пароходной компании судоходства. Алле!

Следом за девицами вошел продавец кораллов и старый актер, потертый и давно небритый.

– Ты кто? Коралловый торговец? Очень украшает и наводит кавалеров на приятные мысли.

Капитоша суетился, бегал к стойке, выбирал кораллы, платил деньги, потом увидел на продавце кораллов оранжевый галстук и пристал, чтобы тот уступил ему этот галстук.

– Расчудесный галстук! Продай, чего там.

Повязался купленным галстуком, надел на руки кольца с кораллами и стал открывать бутылки с вином.

Старый актер стоял в углу, молча за ним наблюдая. Потом приблизился и сказал:

– Давай мне пятьдесят рублей.

Капитоша обернул к нему желтое, потное лицо и прищурился.

– За что?

– Да так. Давай. Ты теперь хозяин. Чего там! Надо быть самостоятельным.

– Пятьдесят рублей, – задумчиво переспросил Капитоша. – Ну, на!

– Вот так. А теперь налей мне шампанского.

Одна из девиц обняла просиявшего Капитошу за шею и сказала:

– Ты дай нам на счастье, а мы тебя прославим.

– Как... прославите?

– Будем петь про тебя. Завсегда так. Гостей в кабинетах славим.

– Здорово! – сказал Капитоша и ревниво добавил: – Только меня чтоб одного.
– Да, конечно. Ты ж хозяин. Как тебя звать?
– Капитон Ильич, главный управляющий пароходною частью...
– Ладно! Девицы: Капитоша!
И хор девиц нестройно запел:

Капитоша, Капитоша, Капитоша,
Капитоша, Капитоша, Капито-о-ша-а...
Капитоша-тоша-тоша,
Ша-ша-ша-ша-ша!

Капитоша сидел на стуле, истомленный славой, почетом и всеобщим уважением.
– Еще раз! – попросил он, закрыв глаза.
– Капитоша, Капитоша, Капито-оша-а!..
Он подпер щеку рукой и заплакал. Это были слезы гордости, радости и сознания потерянных прежних лет, так глупо прожитых.
«Вот оно, настоящее то», – вероятно, думал бедный Капитоша, и сердце его радостно билось.
– Господа, – крикнул актер. – За-ме-ча-тель-но-му и раз-про-един-ствен-ному Капи-тону Ильичу – мно-га-я ле-е-е-та!!
Девицы пели...оборотистый продавец кораллов плясал, без пиджака, погромыхивая своим ящиком.
Сумерки заглядывали в окно...
– Дай мне полтора ста рублей, – попросил актер, – для устройства театрального здания в Петербурге. – Дашь?
– Да, – сказал Капитоша, встал, выпрямился и в невыразимом экстазе крикнул: – Господа! Похож я на офицера?
Все нашли, что – похож.
.....
Дверь скрипнула и лысый купец, шаркая мягкими сапогами, вошел в буфетную.
– А-а... Честная компания... Это что же такое?!
Он стоял с полминуты, оглядывая всех. Потом его взгляд остановился на Капитоше, украшенном оранжевым галстуком, бархатным пиджаком, купленным у того же торговца кораллами, и массой разноцветных колец на пальцах.
– А-а... – протянул лысый купец.
Он неторопливо завернул правый рукав, подошел к Капитоше, размахнулся и стал бешено колотить по Капитошиной голове, которая, как арбуз на стебле, беспомощно металась из стороны в сторону.
И опять всякая пощечина звучала символически:
– Это тебе кораллы! Это девки! Это за отца! Это за мать!
Все потихоньку вышли из буфетной.
Утомившись, лысый купец присел за столик и приказал:
– Пива, подлюга! Если будет теплое – голову оторву.
Капитоша втянул грудь, прыгнул за стойку и, стуча коралловыми кольцами о бутылки, стал откупоривать пиво.

Клусачев и Туркин (Верх автомобиля)

Вглядитесь повнимательнее в мой портрет... В уголках губ и в уголках глаз вы заметите выражение мягкости и доброты, которая, очевидно, свила себе чрезвычайно прочное гнездо. Доброты здесь столько, что ее с избытком хватило бы на десяток других углов губ и глаз.

Очевидно, это качество, эти черточки доброты, не случайные, а прирожденные, потому что от воды и мыла они не сходят, и сколько ни тер я эти места полотенцем – доброта сияла из уголков губ и уголков глаз еще ярче. Так вода может замесить придорожную пыль в грязь, но та же вода заставляет блестеть и сверкать свежие изумрудные листочки на придорожных кустах.

Мне хочется, чтобы всем вокруг было хорошо, и если бы наше бездарное правительство пригласило меня на должность бесплатного советчика – может быть, из наших общих стараний что-нибудь бы и вышло.

В частной жизни я стремлюсь к тому же: чтобы всем было хорошо. Откуда у меня эта маниловская черта – я и сам хорошенько не разберусь.

* * *

Однажды весной мой приятель Туркин сказал мне вскользь во время нашего катанья на туркинском автомобиле:

– Вот скоро лето. Нужно подумать о том, чтобы снять этот тяжелый автомобильный верх и сделать летний откидной, парусиновый.

– Парусиновый? – переспросил я, думая о чем-то другом.

– Парусиновый.

– Автомобильный парусиновый?

– Ну конечно.

– Вот прекрасный случай! – обрадовался я. – Как раз вчера я встретился с приятелем, которого не видел года два. Теперь он управляющий автомобильным заводом, здесь же, в Петербурге. Закажите ему!

Мысль у меня была простая и самая христианская: Туркин хороший человек, и Клусачев хороший человек. У Туркина есть нужда в верхе, у Клусачева – возможность это сделать. Пусть Клусачев сделает это Туркину, они познакомятся, и, вообще, все будет приятно. И всякий из них втайне будет думать: «Вишь ты, какой хороший человек этот Аверченко. Как хорошо все устроил: один из нас имеет верх, другой заработал на этом, и, кроме того, каждый из нас приобрел по очень симпатичному знакомому».

Все эти соображения чрезвычайно меня утешили.

– Право, закажите Клусачеву, – посоветовал я.

Туркин задумчиво вытянул губы трубочкой, будто для поцелуя.

– Клусачеву? Право не знаю. Может быть, он сдерет за это?.. Впрочем, если это ваша рекомендация, – хорошо! Так я и сделаю, как вы настаиваете.

Дело сразу потеряло вкус и приняло странный оборот: вовсе я ни на чем не настаивал; лично мне это не приносило никакой пользы и являлось затеей чисто филантропической. А выходило так, будто Туркин сделал мне какое-то одолжение, а я за это, с своей стороны, должен взвалить на свои плечи ответственность за Клусачева.

Я промолчал, а про себя подумал:

«Бог с ними. Зачем мне возиться... Туркин пусть забудет об этом разговоре и закажет этот верх кому-нибудь другому».

Но Туркин относился ко мне поразительно хорошо: через неделю, встретившись со мной, он озабоченно взял меня за плечо и сказал:

– Ну, что же вы? Я никому не заказывал автомобильного верха и жду вашего приятеля Трепачева. Где же ваш Трепачев?

– Клусачев, а не Трепачев.

– Пусть Клусачев, но мерку-то он должен снять? Я из-за него никому не заказал, а уже на днях лето.

– Хорошо, – сказал я. – Я увижусь с ним и скажу.

– Да, но вы должны увидеться как можно раньше. Не могу же я, согласитесь, париться под этой тяжелой душной крышкой.

* * *

В тот день я был чем-то занят, а на другой день мне позвонили по телефону:

– Алло! Это я, Аверченко.

– Слушайте, голубчик... Ну, что, были вы уже у вашего Муртачева?

– Клусачева, вы хотите сказать.

– Ну, да. Не могу же я ждать, согласитесь сами. Вы уже были у него?

– Только вот собираюсь. Ведь этот завод на краю города. Уж у меня и извозчик заказан. Сейчас еду.

Действительно, нужно было ехать.

Клусачев был хороший человек и встретил меня тепло.

– А, здравствуйте! Вот приятный гость!

– Ну, скажите мне спасибо: я вам заказик принес.

– А что такое?

– Верх для автомобиля одному моему приятелю.

– У него ландолэ?

– Н...не знаю. Может, оно действительно, так и называется. Беретесь?

– Взяться-то можно, только ведь эта штука не дешевая. Обыкновенно думают, что она дешевая, а она не дешевая.

– Ну, вы бы по знакомству скидку сделали.

– Скидку? Ну, для вас можно сделать по своей цене. Ладно! Обыкновенно эти заказы не особенно интересны, но раз вы просите – какие же могут быть разговоры...

Все краски в моих глазах сразу потускнели и сделались серыми... Эти люди не видели в моих хлопотах простого желания сделать им приятное, а упорно придавали всему делу вид личного мне одолжения.

Едучи обратно, я думал: что стоило бы мне просто промолчать, в то время, когда Туркин начал разговор об этом верхе... Он бы заказал его в другом месте, а Клусачев, конечно, прожил бы сам по себе и без этого заказа.

Некоторые писатели глубокомысленно сравнивают жизнь с быстро мелькающим кинематографом. Но кинематограф, если картина не нравится, можно пустить в обратную сторону, а проклятая жизнь, как бешеный бык, прет и ломит вперед, не возвращаясь обратно. Хорошо бы (думал я) повернуть несколько дней моей жизни обратно до того места, когда Туркин сказал:

«Нужно сделать откидной верх»... Взять бы после этого и промолчать о Клусачеве.

Не течет река обратно...

* * *

– Алло! Вы?

– Да, это я.

– Слушайте, голубчик! Уже прошло три дня, а от вашего Кумачева ни слуху ни духу.

– Клусачева, а не Кумачева.

– Ну да! Дело не в этом, а в том, что уже пошли жаркие дни, и мы с женой буквально варимся в автомобиле.

– Да я был у него. Он обещал позвонить по телефону.

– Обещал, обещал! Обещанного три года ждут.

Я насильственно засмеялся и сказал успокоительно:

– Зато он ради меня дешево взял. По своей цене. Всего 200 руб.

– Да? Гм!.. Странная у них *своя* цена... А мне в Невском гараже брались сделать за 180 и с подъемным стеклом... Ну да ладно... Раз вы уже заварили эту кашу – приходится ее расхлебывать.

Сердце мое похолодело: подъемное стекло! А вдруг этот Клусачев делал свои расчеты без подъемного стекла?

– Хорошо, – ласково сказал я. – Я с ним... гм... поговорю... ускорю... Всего хорошего.

* * *

– Алло! Это вы, Клусачев?

– Я?

– Слушайте! Что же с Туркиным?

– А что такое?

– Вы, оказывается, до сих пор не сняли мерки?

– Да все некогда. У нас теперь масса работы по ремонту. Собственно говоря, мы бы за этот верх и совсем не взялись, но раз вы просили, я сделал это для вас. Завтра сниму мерку...

* * *

– Алло! Вы?

– Да, я. Аверченко.

– Слушайте, что же это ваш Крысачев – снял мерку, да и провалился. Уже неделя прошла. Я не понимаю такого поведения: не можешь, так и не берись... Наверное, он какой-нибудь аферист...

– Да нет же, нет, – сказал я умиротворяюще. – Это прекрасный человек! Редкий отец семейства. Это и хорошо, что он так долго не появляется. Значит, уже делает.

– О, Господи! Он, вероятно, к осени сделает этот злосчастный верх? Имейте в виду, если через три дня верха не будет – не приму его потом. И то, эту отсрочку делаю только для вас.

* * *

– Алло! Вы, Клусачев?

– Я.

– Слушайте, милый! Ведь меня Туркин ест за этот верх. Когда же...

– А, пусть ваш Туркин провалится! Он думает, что только один его верх и существует на свете. Вот навязали вы мне на шею горе злосчастное. Прибыли никакой, а минутки свободнойдохнуть не дадут.

– А он говорил, – несмело возразил я, – что у него брались сделать этот верх за 180 рублей...

– Так и отдавал бы! Странные люди, ей-богу. В другом месте им золотые горы сулят, а они сюда лезут!

* * *

На моем письменном столе прозвенел телефонный звонок.

Я снял трубку, приложил ее к уху и предусмотрительно пропищал тоненьким женским голосом:

– Алло? Кто говорит?

Сердце мое чуяло: говорил Туркин.

– Барин дома?

– Нетути, – пропищал я. – Уехамши.

– Куда-а-а?

– В Финляндию.

– А чтоб его черти забрали, твоего глупого барина. Надолго?

– На пять дён.

– Послушай, передай ему, что так порядочные люди не поступают! Чуть не тридцать градусов жары, а я по его милости должен жариться в проклятой душной коробке.

– Слушаю-с, – пропищал я. – Хорошо-с.

* * *

Я дал отбой и, переждав минуту, позвонил Клусачеву.

– Алло! – сказал я. – Квартира Клусачева?

– Да, – сказал женский голос. – Вам кого?

– Клусачев дома?

– Дома. А кто говорит?

– Аверченко.

– Аверченко говорит, – сказал женский голос кому-то в сторону.

– А, ну его к черту! – послышался отдаленный мужской голос. – Скажи, что только что я ушел.

– Вы слушаете? Только что вышел барин. Сию минутку. Я-то думала, что он дома, а он, гляди, вышел.

– Когда же он вернется? – терпеливо спросил я.

– Когда вернетесь? – справился женский голос.

– Скажи ему, что я... ну, уехал в Финляндию; вернусь через три дня, что ли.

– Уехали в Финляндию, – повторил рабски женский голос. – Через три дня.

Я швырнул трубку, бросился на диван, и закрыл лицо руками: мне представлялся Туркин, носящийся в своем глухом закрытом автомобиле по жарким душным городским улицам, и редкие прохожие, заглянув в автомобильное окно, в ужасе шарахаются при виде чьего-то красного, мокрого, обваренного жгучей духотой лица, черты которого искажены бешенством и злобой.

С этого часа я безмерно полюбил столь редкую летом холодную сырую погоду. Дождь, ветер облегчали и освежали меня. Наоборот, жара действовала на меня ужасно: красное исковерканное бешенством призрачное лицо, выглядывающее из черного мрачного гробообразного автомобиля, чудилось мне.

* * *

В этот жаркий день я был именинником, хотя в календаре Аркадий и не значился: гуляя по улице, я увидел *открытый автомобиль с прекрасным парусиновым верхом*. В нем сидел Туркин.

– А, – приветливо сказал я. – Поздравляю! Довольны?

– Ну, знаете, не могу сказать. Тянул, тянул этот Чертачев ваш.

– Клусачев, – печально улыбнулся я.

– Клусачев он или кто, но содрать за парусиновый верх без подъемного стекла 200 рублей – это грабеж! Удружили вы мне, нечего сказать.

Я вздохнул, похлопал рукой по кузову автомобиля и бесцельно спросил:

– Ландолэ?

– Ландолэ. Посоветовали вы мне, нечего сказать.

* * *

– Аллю! Клусачев?

– Да, я. Кто говорит?

– Аверченко. Хорошо съездили?

– Куда?

– В Финляндию.

– В какую там Финляндию?! Ах, да... Как вам сказать... Уж больно я истрепался за последнее время. Один ваш этот Туркин все жилы вымотал. Работа хлопотливая, прибыли ни копейки, да еще из-за этого выгодный заказ один потеряли. Посоветовали, нечего сказать!..

Роскошная жизнь

I

Конкретное представление писца Бердяги о широкой, привольной, красивой жизни заключалось в следующем: однажды года три тому назад, когда еще была жива Бердягина мать, он, по ее настоянию, пошел к крестному Остроголовченко похристосоваться и вообще выразить свою любовь и почтение.

– Может быть, – подмигнула веселая старуха, – этот негодяй и кровопийца оставит тебе что-нибудь после смерти. Все ж таки крестный отец.

Бердяга пошел – и тут он впервые увидел ту роскошь, ту сверкающе-красивую жизнь, выше которой ничего быть не могло.

Ярко-желтые, крашенные масляной краской полы сверкали, как река под солнцем; повсюду были разостланы белые девственные половики; мебель плюшевая; а в углу прекрасной, оклеенной серо-голубыми обоями гостиной был накрыт белоснежный стол. Солнышко рассыпало самоцветные камни на десятках пузатых бутылок с коричневой мадерой, красной рябиновкой и таинственными зелеными ликерами; жареный нежный барашек с подрумяненной кожицей дремал на громадном, украшенном зеленью блюде в одном углу стола, а толстый сочный окорок развалился на другом углу; все это перемешивалось с пышным букетом разноцветных яиц, икрой, какими-то сырными изделиями, мазурками и бабами; а когда крестный Остроголовченко расцеловался с Бердягой, на Бердягу пахло превкуснейшей смесью запаха сигар и хорошего одеколона.

И разговор, который вел крестный с Бердягой, тоже был приятен, нравился Бердяге и льстил ему. Крестный не видел Бердягу лет семь, помнил его мальчиком, а теперь, увидев высочайшего молодца с костлявым носатым лицом и впалой грудью, очень удивился.

– Как?! Ты уже вырос?! Однако. Вот не думал! Да ведь ты мужчина!

По тону старого Остроголовченко можно было предположить, что он гораздо менее удивился бы, если бы Бердяга явился к нему тем же тринадцатилетним мальчишкой, которым он был семь лет тому назад.

Смущенный и польщенный таким вниманием к своей скромной особе, Бердяга хихикнул, переступил с ноги на ногу и тут же решил, что его крестный – прекрасный, добрый человек.

– Да, да. Форменный мужчина. Служишь?

– Служу, – ответил Бердяга, замирая от тайного удовольствия разговаривать с таким важным человеком в прекрасном черном сюртуке и с золотой медалью на красной ленте, данной Остроголовченке за какие-то заслуги.

– Служу в технической конторе Братьев Шумахер и Зайд «Земледельческие орудия и машины», представители Альфреда Барраса, Анонимной компании Унион и Джеффри Уатсона в Шеффилде.

– Вот как, – покачал головой крестный довольно любезно. – Это хорошо. Много получаешь?

– Двадцать семь рублей да наградные.

– Вот как! Прямо-таки мужчина. Ты помнишь, Егор Ильич, покойного Астафия Иваныча Бердягу. Это его сынок, Володя.

Гость Егор Ильич отнесся к Бердяге не менее любезно – как настоящий светский человек.

– Да? – сказал он задумчиво. – Так, так. Служите?

– Служу, – радостно отвечал Бердяга, еле скрывая свою гордость, так как чувствовал себя центром внимания многочисленных визитеров Остроголовченки.

– А где?

– В технической конторе братьев Шумахер и Зайд «Земледельческие орудия и машины», представители Альфреда Барраса, Анонимной компании Унион и Джеффри Уатсона, в Шеффилде.

– А как здоровье мамы? – спросила жена Остроголовченки, величественная старуха.

– Ничего, благодарю вас, слава Богу. Она извиняется, что не могла прийти – лежит больная.

– Так, так, – с элегантною рассеянностью кивнул головой Остроголовченко. – Дай Бог, дай Бог. Ну, господа, попрошу к столу. Закусите, чем Бог послал.

Гости шумной, запинаящейся толпой двинулись к столу.

– Пожалуйста, водочки, винца. Егор Ильич, Марья Платоновна! Сергей Васильич, Василий Сергеевич! А ты Володя – пьешь?

Снова покраснев от этого знака внимания, Володя Бердяга пролепетал, пряча в карманы громадные красные руки:

– Кх! Иногда. Немножко. Я уже, в сущности, пил.

– Ничего, выпей. Ну, прямо-таки – прямо мужчина. Служишь?

– Да... В технической конторе Братьев Шумахер и Зайд «Земледельческие орудия и машины», представители Альфреда Бар...

– Берите ветчины, – любезно сказал хозяин длинному морщинистому старику. – Кажется, запечена неплохо.

– Нет, вы мне бы лучше не наливали, – нерешительно конфузясь, говорил Володя. – Зачем вы беспокоитесь?

– Ничего. Ну, как мама. Здорова?

– Благодарю вас. Она очень извиняется, что не могла...

– Да вы прямо ложкой берите икру! Ну много ли ее ножом захватишь?

– Позвольте, я передам, – сказал Володя Егору Ильичу.

– Спасибо. Так вы Астафия Иваныча покойного сынок? Приятно, приятно. Служите?

– Да... в технической конторе Братьев Шумахер и Зайд, земледель...

– А почему мама не пришла? – спросила хозяйка, поправляя на столе горшок с гиацин- том.

– Она извинялась очень, что не может. Она...

– Совсем мужчина! – заметил вскользь Остроголовченко. – Что десять-то лет делают! Ну, что ж, пора определяться куда-нибудь и на службу!

Полы сверкали, половики сверкали, пахло гиацинтами и жареным барашком, гости были приветливы, от хозяина пахло одеколоном, в верхнем этаже чьи-то несмелые девичьи руки играли сладкий вальс, и Бердяге казалось, что он плавает в эфире, покачиваясь на нежных волнах самых прекрасных переживаний.

II

Когда мать умерла, Бердяга продал ее кровать, салоп, купил на вырученные деньги семиструнную гитару, подстаканник и переехал на житье к старухе Луковенковой, имевшей квартиру на одной из самых тихих отдаленных улиц городка.

Жил писец Бердяга так: вернувшись со службы, обедал, часа два после обеда лежал на кровати, а потом, напившись чаю из стакана с металлическим подстаканником, до самого вечера сидел на деревянном крыльчке с гитарой в руках.

Проходила барышня в шляпке, или баба с ведром воды – Бердяга провожал их взором и играл тихонько на гитаре, напевая песенку о монахе, жившем у дуба.

Это была его любимая песенка; в особенности нравилась ему странная, немного нескладная строка:

«И гром дуб тот разразил...»

– И-и громдубтотразразил! – меланхолически напевал Бердяга, вперив взор, если никого не было на улице, в небо.

Налюбовавшись на прохожих, на небо и наигравшись вдоволь на гитаре, Бердяга вставал, расправлял онемевшие члены и шел ужинать.

Засыпая, любил вспомнить о чем-нибудь приятном; конечно, большею частью воспоминания его, как привязанные веревкой за ногу, вертелись около гостиной со сверкающими желтыми полами, узорными гардинами, столом, заставленным разными прекрасными вещами, около блестящего хозяина Остроголовченко, светской его жены и толпы добрых изящных гостей.

С особенным удовольствием вспоминал Бердяга те небрежные вопросы, которые задавались ему хозяевами и гостями и сейчас же забывались. В этой небрежности он видел подлинный шик и умение вести беседу.

Бердягу трогало то, что вот, мол, людям, может быть, и совершенно неинтересно, служу я или нет; но раз они спрашивают – значит, тут есть какое-то особое воспитание, умение быть в обществе приятным и доставить ближнему удовольствие.

«Пригласить бы их всех к себе, – подумал однажды Бердяга. – Жаль, что у меня комната маленькая. Ну да ничего. Десять человек-то уместятся. Устроить такой же стол, только поменьше, поставить ветчину, бутылку вина и крашеные яйца. Придут, опять начнутся разговоры. Я надену сюртук, надушусь одеколоном и как будто вскользь приглашу всех к закусочке. «Закусить, чем Бог послал». Когда я скажу, что получил семь рублей прибавки у Шумахеров и Зайд – все, наверно, будут удивлены. После первой рюмки скажу: «по одной не закусывают» и спрошу у крестного, как поживает его супруга. Жаль, что краска на полах повыщербилась и покособилась. Хорошо бы, если бы полы блестели. Потом гитару покажу. Будут просить играть... Сыграю что-нибудь».

И Бердягу вдруг неожиданно и со страшной силой потянуло к красивой праздничной жизни – хоть на один день, именно тот день, когда люди делаются лучше, добрее, воздух нежнее и солнце ярче.

Бердяга, погруженный в свои мысли, встал с кровати, зажег свечку и стал записывать:

Бутылка вина. 70 к.

Водки. 40 к.

Пива 3 бутылки. 42 к.

Ветчина. 1 р.

Сардины. 35 к.

Колбаса, хлеб и проч. 1 р.

Кулич и 2 гиацинта в горшках. . 2 р.
Мелкие расходы. 13 к.
Выходило шесть рублей.

Старые ботинки можно смазать чернилами, но галстук придется купить новый. Темно-зеленый.

В ту же ночь – это была ночь под Страстную субботу – Бердяга написал десять писем – полупоздравительных, полупригласительных.

Выражая удовольствие по поводу наступления такого праздника, Бердяга имел почтительнейшую честь принести поздравления и был бы рад, если бы адресат вспомнил его, скромного человека, и осчастливил посещением, не брезгуя «закусить чем Бог послал».

III

Пасхальное солнце добросердечно грело пасхальную землю и даже заглянуло в окошечко Бердягиной комнаты. Но, памятуя о разности человеческих положений и о пропасти, отделявшей Бердягу от Остроголовченко, оно не заиграло на бутылках с вином и пивом, не блеснуло рубинами и изумрудами на красных и зеленых яйцах, а ограничилось тем, что небрежно мазнуло золотой кистью по гитаре на стене, поморщилось, наткнувшись на облупленный, покоробившийся пол, и уползло – с визитом к купцу миллионеру Смушкину, квартиранту первого этажа.

Бердяга – этот горемычный выскочка – сиял в ожидании гостей. Показная роскошь губила людей и побогаче его, а все эти зеленые галстуки, да одеколон, да пара гиацинтов по бокам кулича – все это за версту папахивало громадной трещиной в Бердягином бюджете.

С улыбкой на лице и полузакрытыми глазами Бердяга в сотый раз оглядывал закуски, крашенные яйца, свежевывымытый пол, крахмальную занавеску на окне и думал:

«Какая громадная суматоха подымется около стола... «Рюмочку водки!» – «Ах, что вы: не пью!» – «Ну, одну – ради праздника!» – «Разве что ради праздника. За ваше здоровье». – «Служить изволите?» – «Да, в конторе. Техническая контора Шумахер и Зайд, земледельческие орудия... Отчего же вы ветчины не берете? Пожалуйста, господа, не стесняйтесь».

Подходя к зеркалу, Бердяга делал лицо старого хлебосола, умеющего принять и угостить, душа нараспашку, потом подходил к окну, к дверям и прислушивался.

Прошел назначенный в письме час... Прошел другой и третий.

Ни одна душа не явилась к Бердяге.

Но разоренный, голодный Бердяга еще крепился... Он ожидал гостей и поэтому боялся нарушить гармонию разложенной звездочками колбасы, плотно-слежавшихся сардинок и ветчины, замечательно искусно украшенной пучочками салата...

И-игромдубтотраз-разил...

Бердяга лег на кровать и долго, с оскорбленным лицом, наблюдал за тем, как постепенно умирало навозившееся за долгий день солнце.....

В двери постучались.

– Кто там? Прошу! – вскричал Бердяга, вскакивая.

– Это я, Владимир Астафьич. Имею честь поздравить с наступившим и, как говорится, на долголетие и успехи в занятиях житейской сущности человеческого произрастания.

Перед Бердягой стоял высокий, краснощекий детина, в сером пальто и в фуражке с золотым галуном – швейцар технической конторы Шумахер и Зайд, «земледельческие орудия».

Бердяга разочарованно осмотрел его и на мгновение опустил голову.

Было у него два исхода – аристократический и демократический.

Аристократический заключался в том, чтобы сказать небрежно: «Ага! Спасибо, братец, спасибо», – дать сиротливо лежавший в жилетном кармане двугривенный, потрепать поздравителя снисходительно по плечу и отпустить с миром. Можно было сюда же внести еще кое-что от хлебосольного барина, души нараспашку: дать поздравителю стакан водки и кусок кулича с ветчиной.

Другой исход был демократический: махнуть рукой на все эти условности, на все эти «пропасти отделяющие»... на все эти фигли-мигли, а просто обнять краснощекого детину в швейцарской фуражке, похристосоваться с ним и, усадив за стол, натешить желудок яствами, а душу – интересной беседой о разных вещах, приковывающих внимание таких вдумчивых людей, как эти два одиноких холостяка.

Выбор Бердяги пал на аристократические поступки.

– Ага, – сказал он, вынимая двугривенный и всовывая его в руку швейцара. – Спасибо, спасибо. Вот вам, братец. Хе-хе! Дело праздничное.

За аристократом потянулся и старый хлебосол.

– Стаканчик водки не выпьете ли? Кулича нашего попробуйте. Ветчинки...

Но, вероятно, всякий барин-хлебосол – в душе отчаянный демократ, потому что Бердяга, налив гостю рюмку водки, неожиданно сказал:

– Стойте! И я с вами тоже выпью.

Но педантичный аристократ не хотел сдаваться так легко: налить-то себе он налил, но чокаться с человеком, стоявшим на самой низкой ступени человеческого общества, почел неудобным.

Однако человек на низкой ступени, не замечая борьбы в душе аристократически настроенного хозяина, взял в руку свою рюмку и простодушно потянулся к ней:

– Ну-с, Владимир Астафьич... Дай вам Боже, с праздничком! Удовлетворения вам всех естественных потребностей!

Было так: швейцар технической конторы стоял у стола по одну сторону, а конторщик Бердяга по другую; когда они чокнулись и выпили, Бердяга обратил внимание на то, что, стоя, им неудобно разрезывать ветчину и намазывать ее горчицей.

– Может, присядете? Э, да чего там, какие церемонии! Садитесь, Яков. Еще одну рюмочку, а?

– Ах, да я, в сущности, не пью. Разве только ради праздника?.. Ну, с наступающим!

– Ваше здоровье! Служите?

Яков недоумевающе посмотрел на Бердягу.

– Да как же! У нас в технической конторе.

– Знаю, знаю, – покровительственно сказал Бердяга. – В технической конторе братьев Шумахер и Зайд «Земледельческие орудия и машины», представители Альфреда Баррасса...

– Да... – привычной скороговоркой подтвердил Яков. – Анонимной компании Унион и Джеффри Уатсона...

– В Шеффилде! И давно служите?

– Да вот уж второй год. Сейчас же после вас определился.

– Кушайте, пожалуйста, Яков... как по отчеству?

– Семеныч.

– Вот я вам, Яков Семеныч, выберу красенькое с синей полоской. Матушка здорова?

– Ничего. Нынче только с утра что-то...

– Может быть, винца еще можно?

– Много будет, Владимир Астафьич.

– Ну, уж и много. А вот сардинки. Давно служите?

– Второй год. Прямо-таки скоро после вас определился, когда Альфред Густав...

– Ага! Это хорошо. А вот эта колбаса с чесноком, а эта без. Прошу, господа! Прошу закусить, чем Бог послал. Матушка ваша как поживает?

– Так, вообще, ничего. Да сегодня старуха что-то, от обедни вертается...

– Ну, слава Богу. Это приятно! Надеюсь, пивца-то вы выпьете? Ну, что ничего вам служится в конторе братьев Шумахер и Зайд...

– Представители Альфреда Баррасса, – машинально продолжил швейцар. – Да пожаловаться нельзя. Иногда только перед праздником, когда...

– Ну, слава Богу, дай Бог! Мамаша дома сидит или в гостях?

– Дома. Она, Владимир Астафьич...

– Так, так... А вот это моя гитара... Потом я вам сыграю.

Ушел швейцар технической конторы Братьев Шумахер и Зайд от конторщика той же фирмы довольно поздно – в 11 часов.

Бердяга долго жал руку этому непрезентабельному гостю и просил «не забывать».

А когда гость ушел, Бердяга, вернувшись в комнату и прибирая на столе, должен был оценить деликатность этого краснощекого, дубоватого на вид парня: на скатерти среди крошек хлеба и кулича лежал Бердягин двугривенный – отвергнутая дань аристократизма во имя чумазой демократии...

Функельман и сын (Рассказ матери)

Я еще с прошлого года стала замечать, что мой мальчик ходит бледный, задумчивый. А когда еврейский мальчик начинает задумываться – это уже плохо. Что вы думаете, мне обыск нужен, что ли, или что?

– Мотя, – говорю я ему, – Мотя, мальчик мой! Чего тебе так каламитно?

Так он поднимет на меня свои глаза и скажет:

– Что значит – каламитно! Ничего мне не каламитно!

– Мотя! Чего ты крутишь? Ведь я же вижу...

– Ой, – говорит, – отстань ты от меня, мама! У меня скоро экзамен на аттестат зрелости, а потом у меня есть запросы.

Обрадовал! Когда у еврейского мальчика появляются запросы, так господин околоточный целую ночь не спит.

– Мотя! Зачем тебе запросы? Что, их на ноги наденешь, когда башмаков нет, или на хлеб намажешь вместо масла? Запросы, запросы. Отцу твоему сорок шестой год – он даже этих запросов и не нюхал. И плохо, ты думаешь, вышло? Пойди поищи другой такой галантерейный магазин, как у Якова Функельмана! Нужны ему твои запросы! Он даже картоночки маленькие по всему магазину развесил! «Цены без запроса».

– Мама, не мешай мне! Я читаю.

– Он читает! Когда он читает, так уже мать родную слушать не может. Я через тебя, может, сорок две болячки в жизни имела, а ты нос в книжку всунул и думаешь, что умный, как раввин. Гениальный ребенок.

Вижу – мой Мотя все крутит и крутит.

– Что ты крутишь?

– Ничего я не кручу. Не мешай читать.

Что это он там такое читает? Ой! Разве сердце матери это камень или что? Я же так и знала! «Записки Крапоткина»!

– Тебе очень нужно знать записки Крапоткина, да? Ты будешь больной, если ты их не прочтешь? Брось сейчас же!

– Мама, оставь, не трогай. Я же тебя не трогаю.

Еще бы он родную мать тронул, шейгец паршивый!

И так мне в сердце ударило, будто с камнем.

Куда, вы думаете, я сейчас же побежала? Конечно, до отца.

– Яков! Что ты тут перекладываешь сорочки? Убежат они, что ли, от тебя или что? Он должен обязательно сорочки перекладывать...

– А что?

– Ты бы лучше на Мотю посмотрел.

– А что?

– Ему надо читать «Записки Крапоткина», да?

– А что?

– Яков! Ты мне не крути. Что ты мне крутишь! Скандала захотел, обыска у тебя не было, да?

– А что?

Это не человек, а дурак какой-то. Еще он мне должен голову крутить!

– Что тебе нужно, чтобы твой сын в тюрьме сидел? Тебе для него другого места нет? Одевайся, пойдем домой!

Вы думаете, что он делал, этот Мотя, когда мы пришли? Он читал себе «Записки Крапоткина».

– Мотька, – кричит Яков, – брось книгу!

– А вы, – говорит, – ее подымете?

– Брось, или я тебя сию минуту по морде ударю.

И как вы думаете, что ответил этот Мотя?

– Попробуй! А я отравлюсь.

Это запросы называется!

– А чтоб ты пропал! Тебе для матери книжку жалко. Тебя кто рожал – мать или Крапоткин?

– А что вы, – говорит Мотя, – думаете? Может, я, благодаря ему, второй раз на свете родился.

Ой, мое горе! Я заплакала, Яша заплакал, и Мотя тоже заплакал. Прямо маскарад!

Вышли мы с Яшей в спальню, смотрим друг на друга.

– Хороший мальчик, а? Ему еще в носе нужно ковырять, а он уже Крапоткина читает.

– Ну, что же?

– Яша! Ты знаешь что? Нашего мальчика нужно спасти. Это невозможно.

Так Яша мне говорит:

– Что я его спасу? Как я его спасу? По морде ему дам? Так он отравится.

– Тебе сейчас – морда. Интеллигентный человек, а рассуждает как разбойник. Для своего ребенка головой пошевелить трудно. Думай!

Яков сел, стал думать. Я села, стала думать. Ум хорошо, а два еще лучше.

Думаем, думаем, хоть святых вон выноси.

– Яша!

– А что?

– Знаешь что? Нашего ребенка нужно отвлечь.

– Ой, какая ты умная – отвлечь! Чем я его отвлеку? По морде ему дам?

– Ты же другого не можешь! Для тебя Мотькина морда это идеал!.. Он ребенок живой – его чем-нибудь другим заинтересовать нужно... Нехай он влюбится или что?

– Какая ты, подумаешь, гениальная женщина! А в кого?

– Ну, пусть он побывает в свете! Поведи его в кинематограф или еще куда! Что, ты не можешь повести его в ресторан?!

– Нашла учителя! Что, я бывал когда-нибудь в ресторане? Даже не знаю, как там отворять дверей.

– Что ты крутишь! Что ты мне крутишь? Тебе это чужой ребенок? Это крапоткинское дитё, а не твое? Такой большой дурак и не может мальчика развлекать.

Так пошел он к Моте, стал крутить:

– Ну, Мотечка, не сердись на нас. Пойди с отцом немного пройдишь. Я ведь же тебя люблю – ты такой бледненький.

Ну, Мотька туда-сюда – стал крутить: то дайте ему главу дочитать, то у него ноги болят.

– Хороший ребенок! Книжку читать – ноги не болят, а с отцом пройтишь – откуда ноги взялись. Надевай картузик, Мотенька, ну же!

Похныкал мой Мотенька, покапризничал – пошел с папой.

Они только за двери – я сейчас же к нему в ящик... Боже ты мой! И как это у нас до сих пор обыска не было – не понимаю! За что только, извините, полиция деньги получает?.. И Крапоткины у него, и Бебели, и Мебели, и Малинины, и Буренины – прямо пороховой склад. Эрфуртских программ – так целых три штуки! Как у ребенка голова не лопнула от всего этого?!

Ой, как оно у меня в печке горело, если бы вы знали! Быка можно было зажарить.

В одиннадцать часов вечера вернулись Яша с Мотей, а на другое утро такой визг по дому пошел, как будто его резали.

– Где мои книги?! Кто имел право брать чужую собственность! Это насилие! Я протестуюсь!!

Функельманы, это верно, любят молчать, но когда они уже начинают кричать – так скандал выходит на всю улицу.

– Что ты кричишь, как дурак, – говорит Яков. – От этого книжка не появится обратно. Пойдем лучше контру сыграем.

– Не желаю я вашу контру, отдайте мне моего Энгельса и Каутского!

– Мотя, ты совсем сумасшедший! Я же тебе дам фору – будем играть на три рубля. Если выиграешь, покупай себе хоть десяток новых книг.

– Потому только, – говорит Мотя, – и пойду с тобой, чтобы свои книги вернуть.

Ушли они. Пришли вечером в половине двенадцатого.

– Ну что, Мотя, – спрашиваю, – как твои дела?

– Хорошие дела, когда папаша играет, как маркер. Разве можно при такой форе кончать в последнем шаре? Конечно же, он выиграет. Я не успею подойти к бильярду, как у него партия сделана.

Ну, утром встали они, Мотя и говорит:

– Папаша, хочешь контру?

– А почему нет?

Ушли. Слава богу! Бог всегда слушает еврейские молитвы. Уже Мотя о книжках и не вспоминает.

Раньше у него только и слышишь:

«Классовые перегородки, добавочная стоимость, кооперативные начала...»

А теперь такие хорошие русские слова:

«Красный по борту в лузу, фора, очко, алагер».

Прямо сердце радовалось.

Ну, пришли они в двенадцать часов ночи – оба веселые, легли спать.

Пиджаки в мелу, взяла я почистить – что-то торчит из кармана. Э, программа кинематографа. Хе-хе! После Эрфуртской программы это, знаете, недурно. Бог-таки поворачивает ухо к еврейским молитвам!

Ну, так у них так и пошло: сегодня бильярд, завтра бильярд и послезавтра тоже бильярд.

– Ну, – говорю я как-то, – слава Богу, Яша... Отвлек ты мальчика. Уже пусть он немного позанимается. И ты свой магазин забросил.

– Рано, – говорит Яша. – Еще он еще вчера хотел открытку с видом на Маркса купить.

Ну, рано так рано.

Уже они кинематограф забросили, – уже программки цирка у них в кармане.

Еще проходит неделя – кажется, довольно, мальчик отвлекся.

– Мотя, что же с экзаменом? Яша, что же с магазином?

– Еще не совсем хорошо, – говорит Яша, – подождем недельку. Ты думаешь, запросы так легко из человека выходят?!

Недельку так недельку. Уже у них по карманам не цирковая программа, а от кафешантана – ужасно бойкий этот Яша оказался...

– Ну, довольно, Яша, хватит! Гораздо бы лучше, чтобы Мотя за свои книги засел.

– Сегодня, – говорит Яша, – нельзя еще, мы одному человеку в одном месте быть обещали.

Сегодня одному человеку, завтра другому человеку... Вижу я, Яков мой крутить начинает.

А один раз оба этих дурака в десять часов утра явились.

– Где вы были, шарлатаны?

– У товарища ночевали. Уже было поздно, и дождик шел, так мы остались.

Странный этот дождик, который на их улице шел, а на нашей улице не шел.

– Я, – говорит Яша, – спать лягу, у меня голова болит. И у Моти тоже голова болит; пусть и он ложится.

Так вы знаете что? Взяла я их костюмы, и там лежало в карманах такое, что ужас: у Мотьки – черепаховая шпилька, а у Яши – черный ажурный чулок.

Это тоже дождик?!

То Эрфуртская программа, потом кинематографическая, потом от цирка, потом от шантана, а теперь такая программа, что плюнуть хочется.

– Яша! Это что значит?

– Что? Чулок! Что ты, чулков не видала?

– Где же ты его взял?

– У коммивояжера для образца.

– А зачем же он надеванный? А зачем ты пьяный? А зачем у Мотьки женская шпилька?

– Это тоже для образца.

– Что ты крутишь? Что ты мне крутишь? А отчего Мотька спать хочет? А отчего в твоей чековой книжке одни корешки? Ты с корешков жить будешь? Чтоб вас громом убило, паршивцев!

И теперь вот так оно и пошло: Мотька днем за бильярдом, а ночью его по шантанам черти таскают. Яшка днем за бильярдом, а ночью с Мотькой по шантанам бегают. Такая дружба, будто черт с веревкой их связал. Отец хоть изредка в магазин за деньгами приедет, а Мотька совсем исчез! Приедет переменить воротничок и опять назад.

Наш еврейский Бог услышал еврейскую молитву, но только слишком; он сделал больше, чем надо. Так Мотька отвлекся, что я день и ночь плачу.

Уже Мотька отца на бильярде обыгрывает и фору ему дает, а этот старый осел на него не надыхается.

И так они оба отвлекаются, что плакать хочется. Уже и экзаменов нет, и магазина нет. Все они из дому тащат, а в дом ничего. Разве что иногда принесут в кармане кусок раздавленного ананаса или половинку шелкового корсета. И уж они крутят, уж они крутят...

* * *

Вы извините меня, что я отнимаю время разговорами, но я у вас хотела одну вещь спросить... Тут никого нет поблизости? Слушайте! Нет ли у вас свободной эрфуртской программы или Крапоткина? Что вы знаете, утопающий за соломинку хватается, так я бы, может быть, попробовала бы... Вы знаете что? Положу Моте под подушку, может, он найдет и отвлечется немного... А тому старому ослу – сплошное ему горе – даже отвлекаться нечем! Он уже будет крутить, и крутить, и крутить до самой смерти.

СВЯТЫЕ ДУШИ

Бывают такие случаи в жизни, в которых очень трудно признаться.

I

Сегодня утром я, развернув газету и пробегаая от нечего делать отдел объявлений, наткнулся на такую публикацию:

«Натурщица – прекрасно сложена, великолепное тело, предлагает художникам услуги по позированию».

«Хи-хи, – засмеялся я внутренне. – Знаем мы, какая ты натурщица. Такая же, как я художник...»

Потом я призадумался.

«Поехать, что ли? Вообще, я человек такой серьезный, что мне не мешало бы повести образ жизни немного полегкомысленней. Живут же другие люди, как бабочки, перепархивая с цветка на цветок. Самые умные, талантливые люди проводили время в том, что напропалую волочили за женщинами. Любовные истории Бенвенуто Челлини, фривольные похождения гениального Байрона, автора глубоких, незабываемых шедевров, которые останутся жить в веках... Извозчик!!!».

В глубине большого мрачного двора я отыскал квартиру номер седьмой и позвонил с некоторым замиранием сердца.

Дверь открыла угрюмая горничная – замкнутое в себе существо.

– Что угодно?

– Голубушка... Что, натурщица, вообще... здесь?

– Здесь. Вы художник? Рисовать?

– Да... я, вообще, иногда занимаюсь живописью. Вы скажите там... Что, вообще, мол, все будет как следует.

– Пожалуйста в гостиную.

Через минуту ко мне вошла прекрасно сложенная красивая молодая женщина в голубом пеньюаре, который самым честным образом обрисовывал ее формы. Она протянула мне руку и приветливо сказала:

– Вы насчет позирования? Да? Художник?

«Пора переходить на фривольный тон», – подумал я.

– Художник? Ну что вы! Хе-хе! Откуда вы могли догадаться, что я художник?

Она засмеялась.

– Вот тебе раз! А зачем бы вы тогда пришли, если не художник? В академии?

– Нет, не в академии, – вздохнул я. – Не попал.

– Значит, в частной мастерской. У кого?

Я общительно погладил ее руку.

– Какая вы милая! А вот догадайтесь!

– Да как же можно догадаться... Мастерских много. Вы можете быть и у Сивачева, и у Гольдбергера, и у Цыгановича. Положим, у Цыгановича скульптура... Ну, еще кто есть?... Перепалкин, Демидовский, Стремоухов... У Стремоухова, да? Вижу по вашим глазам, что угадала.

– Именно, у Стремоухова, – подтвердил я. – Конечно, у него.

Она оживилась.

- А! У Василия Эрастыча! Ну, как он поживает?
- Да ничего. Пить начал, говорят.
- Начал? Да он, кажется, лет двадцать, как пьет.
- Ну? Эх, Стремоухов, Стремоухов! А я и не знал. Думал сначала: вот скромник.
- Вы ему от меня кланяйтесь. Я его давно не видала... С тех пор как он с меня «девушку со змей» писал. Я ведь давно позирую.
- Да вы серьезно позируете? – печально спросил я.
- То есть как серьезно? А как же можно иначе позировать?
- Я хотел сказать: не устаете?
- О, нет! Привычка.
- И неужели совсем раздеваетесь?
- Позвольте... А то как же?
- Как же? Я вот и говорю: не холодно?
- О, я позирую только дома, а у меня всегда 16 градусов. Если хотите, мы сейчас можем поработать. Вам лицо, бюст или тело?
- Да, да! Конечно!! С удовольствием. Я думаю – тело. Без сомнения, тело.
- У вас ящик в передней?
- Какой... ящик?
- Или вы с папкой пришли? Карандаш?
- Ах, какая жалость! Ведь я забыл папку-то. И карандаш забыл.
- Я помедлил немного и сказал, обращая мысленно взоры к своим патронам: Байрону и Бенвенуто Челлини:
- Ну, да это ничего, что с пустыми руками... Я...
- Конечно, ничего, – засмеялась молодая женщина. – Мы это сейчас устроим. Александр!! Саша!
- Дверь, ведущая в соседнюю комнату, скрипнула...
- Показалось добродушное лицо молодого блондина; в руке он держал палитру.
- Вот, познакомьтесь: мой муж. Он тоже художник. Саша! Твой рассеянный коллега пришел меня писать и забыл дома не только краски и холст, но и карандаш и бумагу. Ох, уж эта богема! Предложи ему что-нибудь...
- Я испугался:
- Да что вы! Мне неловко... Очень приятно познакомиться... Я уж лучше домой сбегать.
- Я тут... в трех шагах. Я... как это называется...
- Да зачем же? Доска есть, карандаши, кнопки, бумага. Впрочем, вы, может быть, маслом хотите?
- Маслом. Конечно, маслом.
- Так, пожалуйста! У меня много холстов на подрамниках. По своей цене уступлю. Катя, принеси!
- Эта проклятая Катя уже успела раздеться, без всякого стеснения, будто она одна была в комнате. Сложена она была действительно прекрасно, но я почти не смотрел на нее. Шагала она по комнате как ни в чем не бывало. Ни стыда у людей, ни совести.
- Тяжесть легла мне на сердце и придавила его.
- «Поколотит он меня, этот художественный назойливый болван, – подумал я печально. – Подумаешь, жрецы искусства!»
- Катя притащила ящик с красками, холст и еще всякую утварь, в которой я совершенно не мог разобраться.
- Муж ее развалился на диване и, глядя в потолок, закурил папироску, а она отошла к окну.
- Поставьте меня, – сказала эта бесстыдница.
- Сами становитесь, – досадливо проворчал я.

Она засмеялась.

– Я же не знаю, какая вам нужна поза.

– Ну, станьте так.

Я показал ей такую позу, приняв которую она через минуту должна была замертво свалиться от усталости.

Но эта Катя была выкована из стали.

Она стала в позу и замерла...

II

– Что вы делаете? – удивленно сказал муж Саша. – Вы не из того конца тюбика выдавливаете краску.

– Вы уверены? – нагло засмеялся я. – Покойный профессор Якоби советовал выдавливать краску именно отсюда. Тут она свежее.

– Да ведь краска будет сохнуть!

– Ничего. Водой после размочим.

– Водой?.. Масляную краску?!

– Я говорю «водой» в широком смысле этого слова. Вообще – жидкостью... Вот странная вещь, – перебил я сам себя. – Все краски у вас есть, а телесного цвета нет.

– Да зачем вам телесный цвет? Такого и не бывает.

– Вы так думаете? В... Художественных письмах Александра Бенуа прямо указывается, что тело лучше всего писать телесным цветом!

– Позвольте... Да вы писали когда-нибудь масляными красками?

– Сколько раз! Раз десять, если не больше.

– И вы не знаете смешения красок?

– Я-то знаю, но вы, я вижу, не читали многотомного труда члена дрезденской академии искусств барона Фукса «Искусство не смешивать краски».

– Нет, этого я не читал.

– То-то и оно. А что же тут нет кисточки на конце? Одна ручка осталась и шишечка...

– Это муштабель. Неужели вы не знаете, что это такое?

– Я-то знаю, но вы, наверное, не читали «Записок живописца» Шиндлера-Барнай, в которых... Впрочем, не будем отрываться от работы.

– Подвигается? – спросил Саша.

– Да... понемногу. Тише едешь – дальше будешь, как говорится.

Саша встал и взглянул из-за моего плеча на холст.

– Гм!

– Что? Нравится?

– Это... очень... оригинально. Я бы сказал – даже не похоже.

– Бывают разные толкования, – успокоил я. – Золя сказал: «Жизнь должна преломляться сквозь призму мировоззрения художника».

– Так-то оно так... Но вы замечаете, что у нее грудь – на плече?

– Так на своем же, – резонно возразил я.

– Странный ракурс.

– Вы думаете? Этот? Я его сделаю пожелтее.

– При чем тут «желтее»? Ракурс от цвета не зависит.

– Не скажите. Покойный Куинджи утверждал противное.

– Гм! Может быть, может быть... Вы не находите, что на левой ноге один палец немного... лишний?..

– Где? Ну, что вы! Раз, два, три, четыре, пять... шесть... А! Это тень. Это я тень так сделал... Впрочем, можно ее и стереть.

– Конечно, можно. Только вы напрасно все тело пишете индийской желтой.

«Вот осел-то, – подумал я. – Телесной краски, говорит, нет, а потом сам же к цвету придирается».

– Я вижу, – саркастически заметил я, – что вам просто моя работа не нравится.

– Помилуйте, – деликатно возразил Саша. – Я этого не говорю. Чувствуется искание... новых форм. Рисунок, правда, сбит, линия хромает, но... Теперь вообще ведь всюду рисунок упал.

И он с неожиданной откровенностью закончил:

– Сказать вам откровенно: сколько я ни наблюдаю – живопись теперь падает. Мою жену часто приходят писать художники. Вот так же, как вы. И что же! У меня осталось несколько их карандашных рисунков, по которым вы смело можете сказать, что живописи в России нет. Мне это больно говорить, но это так! Поглядите-ка сюда!

Он вытащил из угла огромную папку и стал показывать мне лист за листом.

– Извольте видеть. С самого первого дня, как жена поместила объявление о своем позировании, к нам стали являться художники, но что это все за убожество, бездарность и беспомощность в рисунке! О колорите я уже не говорю! Полюбуйтесь! И эти люди – адепты русского искусства, призванные насаждать его, развивать художественный вкус толпы. Один молодец – вы видите – рисует левую руку на пол-аршина длиннее правой. И как рисует! Ни чувства формы, ни понятия о ракурсе! Так, ей-богу, рисуют гимназисты первого класса! У этого голова сидит не на шее, а на плече, живот спустился на ноги, а ноги – найдите-ка вы, где здесь колено? Вы его днем с огнем не сыщете. И ведь пишут не то что зеленые юноши! Большею частью люди на возрасте или даже старики, убеленные сединами. Как они учились? Каков их художественный багаж? Вы не поверите, как все это тяжело мне. Мы с женой искренно любим искусство, но разве это – искусство?!

Действительно, никогда мне не приходилось видеть большего количества уродов, нарисованных беспомощной рукой пьяного или ребенка: искривленные ноги, вздутые животы, глаза, вылезшие на лоб, и губы, тянущиеся наискось от уха к подбородку.

Бедная Катя!

Я бросил косой взгляд на свой этюд, вздрогнул и сказал с тайным ужасом:

– Ну, я пойду... Докончим *это* когда-нибудь... после...

Саша ушел в свою комнату. Катя закуталась в халатик, подошла к моему этюду и вдруг – залилась слезами.

– Что с вами, милая?! Что такое?

– Я не понимаю: зачем он меня успокаивает, зачем деликатничает!

– Кто?

– Саша. Я сама вижу, я все время, на всех рисунках вижу, какая я отвратительная, безобразная. А он говорит: «Нет, нет – ты красива, а только тебя не умеют рисовать». Ну, предположим, один не умеет, другой, третий, но почему же – все?!!

Желтая простыня

I

Настоящий купальный сезон еще не начинался, но, несмотря на это, весь пляж, окруженный с трех сторон кабинками, был усеян ленивыми, полузасыпанными песком фигурами, которые, как ящерицы на солнце, замерли в каменной неподвижности.

Курорт был итальянский, и поэтому купальщики лениво переключались между собою на немецком, английском, польском и французском языках – на всех языках, кроме итальянского.

Где купаются итальянцы, и купаются ли они вообще – совершенно неизвестно.

Эта мысль занимала меня не менее часу, потому что голова, припекаемая солнцем, работает вяло, медленно и вообще отвратительно.

Думаю, что я дремал.

Неожиданно уха моего коснулась чистейшая русская речь.

Разговаривали две фигуры, закутанные с головой в купальные халаты и простыни, – два бесформенных безголовых тела.

– Славный мальчишка! – прогудел голос из-под желтой простыни.

– Это вы о котором говорите? О том, что сейчас возится с няней на песке? В синем полосатом костюмчике?

– Да, да. Превосходный мальчишка!

– Тот, что сейчас посыпает себе голову песком из ведерка? – переспросила точная белая простыня.

– Ну да! Этот самый.

– Да, знаете ли, – удовлетворенно согласилась белая простыня. – Я должен им гордиться.

Ха-ха!

– Почему вы... должны гордиться?

– Потому что этот мальчишка – дело рук моих.

– Черт подери! Не хотите ли вы сказать, что это ваш сын?

– Это бы не штука! Дело не в этом. Он физический сын своего законного отца с матерью, но настоящий его творец все-таки – я!

– Не случился ли с вами солнечный удар?.. А?

– Вот вам и удар. История презабавная – хотите, расскажу?

– До завтрака управимся?

– С головой. Слушайте!

II

Года четыре тому назад пришлось мне болтаться на этом же курорте. Было прескучно, и, если бы не товарищ, который разделял со мной это заточение, какой-нибудь крюк давно бы уже гнулся под моей тяжестью...

Однажды сидим мы с ним после обеда на террасе, потягиваем какое-то здешнее пойло – я и спрашиваю, оторвавшись от соломинки:

– Отчего ты не женился до сих пор?

– Не судьба.

– Что-о?

– Не судьба!

Я говорю нравоучительно:

– Не судьба должна управлять человеком, а человек судьбой.

– Никак, – говорит, – это невозможно. Без судьбы ничего быть не может.

– А если я сейчас вдруг схвачу тебя и брошу с террасы вниз, в кусты... Это что?

– Тоже судьба.

– А если не схвачу и не сброшу?

– Тоже судьба!

– Да какая же это судьба, если мой поступок зависит от моей же воли?!

– Пусть зависит. А твоя воля зависит от судьбы.

– Тьфу! Ну, хочешь, я тебе докажу чем угодно, что по своей воле выкину штуку, до которой судьбе никогда бы и не додуматься?

– Это, – говорит приятель, – положим, тоже натяжка, потому что всякая штука твоя от судьбы зависит. Но – идет. Согласен.

– Прекрасно. Сочини что-либо трудное, нелепое, и я это проведу без всякой судьбы. У судьбы, милый мой, много дела и без нас – нечего ее по пустякам затруднять. Гоп!

Мой друг обвел глазами столики и сказал:

– Видишь ты ту молоденькую венгерку, которая сидит с пожилой дамой, очевидно, с матерью?

– Вижу.

– Ну-с... хочу я, значит, чтобы у нее был ребенок... Хм... От кого бы?

Он осмотрел рассеянно все столы, и взгляд его задержался на каком-то господине, одиноко сидевшем в дальнем углу.

– Вот от этого худосочного русского молодца! У него или слишком мало радостей, или очень много печали. Наградим его венгеркой, а?

Я пожал плечами.

– Венгерка так венгерка. Но слушай: как честный человек, за одно только не могу поручиться...

– Именно?

– За пол будущего отпрыска русско-венгерской фамилии. Ты сам, конечно, понимаешь...

– Для судьбы ты слишком многословен. Я предпочитаю видеть работу.

III

Я закурил папиросу, встал и приблизился к одинокому русскому.

– Простите, что, не будучи знаком, обращаюсь к вам с одним вопросом: сколько времени идет письмо до Петербурга? Эти бестолковые итальянцы ничего не знают.

– Письмо? Четыре дня.

– Весьма вам признателен. Вы надолго в эту дыру?

– Нет... Так, недели на две. Не присядете ли?

– Мерсі. Вы что же, – спросил я, опускаясь на стул, – в одиночестве тут? Без жены?

– Да я и не женат совсем.

– Ну?! Вот-то *она* обрадуется! Ах... простите... я, кажется, сказал лишнее.

– А что такое? Кто обрадуется? О ком вы это говорите «она обрадуется»?

– Не знаю, – смущенно засмеялся я. – Говорить ли вам... Это будет, пожалуй, разбалтыванье чужого секрета. Хи-хи...

– Нет, уж вы, пожалуйста, скажите. Это будет между нами. Ну, скажите! Ведь я любопытен, как женщина.

– Хи-хи... И сам не знаю, как это я проговорился. Ну, ладно... Если вы даете честное слово, что это между нами... Видите вы ту венгерку, около седой дамы? Красавица, не правда ли?

У венгерки было самое ординарное, миловидное лицо, но мой восторг заразил и бедного форестьера.

– О, да! Очень красивая.

– Ну вот... Так знаете ли, что у этой красавицы, у этой поразительной, изумительно прекрасной девушки вы с языка не сходите?!

Мой собеседник вспыхнул и конфузливо и радостно засмеялся, будто его щекотали.

– Ну, что вы говорите! Да неужели?! Нет, нет! Вы шутите... Это было бы прямо-таки... удивительно!

– Честное слово! Она меня прямо измучила вопросами... Кто такой, да что, да не женат ли? Все о росте вашем сегодня щебетала...

– А... что? – опасливо спросил мой собеседник, вероятно, не раз огорчавшийся, сравнивая свою мизерную, низкорослую фигуру с фигурами своих ближних.

– Да, многое она говорила. И что терпеть она не может высоких мужчин, и что ваша фигура приводит ее в восторг, и что, если бы... Впрочем, нет, я, кажется, слишком разболтался...

– Так она меня заметила? – переспросил мой собеседник, с трудом сохраняя рассеянно-задумчивый вид.

– Она-то? Да она околдована.

Я помолчал и вдруг решил махнуть рукой на всякий здравый смысл:

– Вчера, нашла, что в вашем лице есть много общего с Наполеоном.

– Ну, что вы говорите!

– Ей-богу. В таких людях, говорит, таятся великие, огромные силы. Счастлива, говорит, та родина, которая может назвать такого человека своим сыном. Спрашивала, не поете ли вы? С таким, говорит, голосом, который звучит, как музыка...

– Вы меня представите ей? – быстро спросил он, без сожаления расставаясь со своим задумчивым видом.

– Сколько угодно! Подойду сейчас к ней, попрошу разрешения – и пожалуйста! Кстати, вы чем занимаетесь?

– Отец у меня купец, мануфактурщик. А что?..

– Да ничего. Ну, сидите тут и ждите...

IV

Я приблизился к венгеркам, снял перед ними почтительно шляпу и сказал по-немецки:
– Тысячу извинений! Простите мою навязчивость и то, что я, не будучи знаком, обращаюсь к вам... Но узнать мне больше не у кого – эти итальянцы так бестолковы. Не знаете ли вы – сколько времени идет отсюда письмо до Будапешта?

– Двое суток, – приветливо сказала старуха.

– А у вас есть знакомые в Будапеште?

– О, да... Кое-кто.

– Гезу Матаки знаете?

– Гезу?! О, Боже! Да мы большие приятели. Ну, как он... все там же живет?

– Там. Значит, вы и семью Панони знаете?

– Ну, как же! Вообще... Гм... А я, сударыня, должен вас кое за что пожурить...

– Меня? – удивилась молоденькая венгерка.

– Да-с, вас. Можно человека ранить, но зачем насмерть, а?

– Что вы такое говорите!

– Видите вы вон того русского, который там в углу сидит. Красивый такой...

– Ну, разве он красивый?

– Сударыня! Один из первых красавцев восточной России. Прозван «Тополь Великороссии»! Сотни русских девушек и женщин сходят по нем с ума. И что же! Этот счастливчик сидит сейчас угрюмый, как вурдалак, завядший, как розовый куст в засуху. Видите! Сидит и глаз с вас не сводит!

Венгерка смущенно усмехнулась.

– Я... ему нравлюсь?

– Вы? Да у него сейчас вся жизнь в глазах, которыми он на вас смотрит. Нашел где-то портрет королевы Марии-Антуанетты и носит его на своей груди, осыпая поцелуями и вздыхая над ним...

– Почему же... Марии-Антуанетты?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.